Страхов Ф

Письмо к прокурору 1897

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц520
С891

4232

e au Procureur, par Théodor Strakhoff.

2289

342
C 8

ПИСЬМО КЪ ПРОКУРОРУ

4520
C 891

—

Ѳедора Страхова.

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE — (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1897

1.2 095

№ 4232

ЦБ 20
С 891

ПИСЬМО КЪ ПРОКУРОРУ

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННАГО НАСИЛІЯ

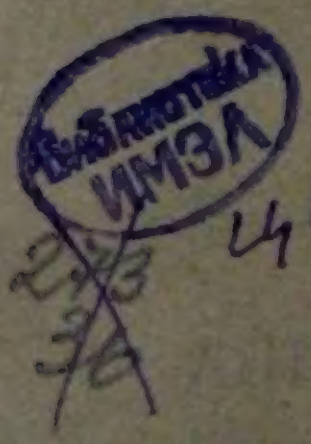
342
С 83

Ѳедора Страхова.

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE — (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1897

1 экз.



ЦБ 20
С 891

Библиотека ИМЗА

411184 у

2011

У 83

ПИСЬМО КЪ ПРОКУРОРУ

Савлъ, Савлъ, что ты гонишь меня?...
Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна.
Дѣян. IX. 4, 5.

Милостивый Государь!

Послѣ офиціальнаго допроса, который вы мнѣ сдѣлали въ жандармскомъ управленіи въ качествѣ прокурора, мы имѣли съ Вами частную бесѣду, въ которой я хотѣлъ высказать Вамъ, какъ человѣку-брату, христіанскія мои убѣжденія, прямо касающіяся нашихъ съ Вами, столь внезапно вызванныхъ, отношеній. Но къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, тогдашняя бесѣда наша оборвалась, и я былъ лишенъ возможности высказаться передъ Вами до конца. И вотъ теперь, вспоминая ту Вашу готовность, съ которой Вы разговаривали со мною, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслушать меня до конца, т. е. прочесть это мое письмо, которое я прямо начну съ повторенія тѣхъ основныхъ пунктовъ, которыхъ мы съ вами коснулись въ нашемъ частномъ разговорѣ. Намъ пришлось затронуть собственно два существенныхъ пункта:

Первый пунктъ состоялъ въ вопросѣ о томъ, что для чего существуетъ: государство ли для людей или люди для государства, на каковой вопросъ Вы дали совершенно согласный съ моими убѣжденіями и существенный для меня отвѣтъ, что государство существуетъ для людей, а не наоборотъ.

Второй, важный для меня и для дальнѣйшихъ моихъ выводовъ пунктъ — это Ваше заявленіе о томъ, что ученіе Толстого „слишкомъ идеально".

Начну съ перваго положенія: „о назначеніи государства для людей, а не наоборотъ", т. е. о служебной роли государства, и сдѣлаю ближайшій отсюда общій выводъ, состоящій въ слѣдующемъ: Такъ какъ государство существуетъ для людей, а не наоборотъ, то, слѣдовательно, разъ люди найдутъ возможнымъ обходиться безъ этой вспомогательной формы общежитія, то могутъ уничтожить ее. Надѣюсь, противъ такого общаго, кореннаго заключенія Вы ничего не можете имѣть, такъ какъ оно логически вытекаетъ изъ перваго нашего общаго положенія.

Недоумѣнія и пререканія могутъ возникнуть тутъ только на почвѣ обсужденія частностей, а именно при слѣдующихъ чисто внѣшнихъ вопросахъ общественно-юридическаго характера:

Во 1-хъ о томъ, что такое самое государство?

Во 2-хъ перестаютъ ли, или не перестаютъ люди въ настоящее время нуждаться въ государственной формѣ?

Въ 3-хъ, если люди перестаютъ нуждаться въ государствѣ, то сколько ихъ, перестающихъ или переставшихъ въ немъ нуждаться, — всѣ, большая часть, половина, или меньшая часть?

Въ 4-хъ, если еще не всѣ могутъ обойтись безъ государственной формы, а только меньшинство, половина или даже большая часть, то когда именно нужно уничтожить государственную форму: при меньшинствѣ, половинѣ или большинствѣ ею нуждающихся людей?

Въ 5-хъ, кто, какое число людей и при какомъ уровнѣ развитія можетъ рѣшать эти вопросы, и гарантируется ли вообще справедливость извѣстнаго рѣшенія количествомъ рѣшающихъ голосовъ, безъ отношенія къ ихъ качеству?

Въ 6-хъ, въ случаѣ ненужности государственной формы, какой способъ ея отмѣны признать удовлетворительнымъ — насильственный или мирный?

Таковы приблизительно частные, внѣшніе вопросы, могущіе возникнуть на искуственной почвѣ общественно-юридическаго характера. И вотъ вся цѣль моего письма сводится не къ тому, чтобы обсудить и рѣшить всѣ эти вопросы, — предоставляю этотъ сизифовъ трудъ юристамъ, — а къ тому, чтобы, указавъ одной лишь постановкой вышеизложенныхъ вопросовъ всю трудность и даже невозможность ихъ разрѣшенія съ одной внѣшней, политической стороны,

предложить единственный, по моему мнѣнію, простой, естественный и вѣрный выходъ изъ лабиринта всѣхъ этихъ запутанныхъ, внѣшнихъ вопросовъ, выходъ, состоящій во внутреннемъ, личномъ усвоеніи каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанскаго ученія.

И стоитъ человѣку отказаться отъ попытокъ теоретически разработывать и рѣшать всѣ эти общественные вопросы, и задаться однимъ главнымъ, внутреннимъ вопросомъ о томъ, какъ ему самому можно и должно поступать независимо отъ существующихъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій и формъ, какъ тотчасъ же онъ совершенно неожиданно получитъ самое вѣрное разрѣшеніе и всѣхъ перечисленныхъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, спеціалистъ юридическихъ наукъ можетъ интересоваться вопросомъ о томъ, что такое государство, или вѣрнѣе: чѣмъ должно быть государство, — принудительнымъ или добровольнымъ союзомъ людей, представляетъ ли оно сстественный или искусственный продуктъ человѣческой воли, и, наконецъ, считать или не считать его одной изъ формъ осуществленія человѣкомъ его высшаго назначенія и т. п. (теоріи Руссо, Краузе, Аренса и др.), а христіанинъ даже и не ставитъ себѣ задачи опредѣлить, исчерпать самое понятіе государства, а только ставитъ интересующій его существенный, этическій вопросъ о томъ, чѣмъ, какими свойствами

людей вызвана эта форма совмѣстнаго ихъ существованія, — добрыми или порочными? и постольку, поскольку государство вызвано къ существованію прямо добрыми или даже нравственно безразличными потребностями или свойствами людей и само зиждется на нихъ, постольку христіанинъ признаетъ его и позволяетъ себѣ поддерживать его своимъ участіемъ, и, наоборотъ, постольку, поскольку государство вызвано къ существованію порочными, злыми свойствами людей и само зиждется на нихъ, короче сказать, поскольку въ государствѣ фигурируетъ элементъ насилія, постольку христіанинъ отрицаетъ его и не позволяетъ себѣ по мѣрѣ силъ и возможности поддерживать его своимъ участіемъ, — такъ сказать, своимъ спросомъ на его услуги и предложеніемъ своихъ собственныхъ услугъ.

Второй вопросъ о томъ, перестали или не перестали люди данной территоріи или народности нуждаться въ данной государственной формѣ, тоже можетъ интересовать только спеціалиста юридическихъ наукъ, такъ какъ онъ и ему подобные люди считаютъ себя призванными измѣнять и совершенствовать формы человѣческихъ общежитій; для христіанина же этотъ вопросъ не представляетъ затрудненія, потому что онъ твердо знаетъ, что настолько, насколько онъ самъ освободитъ себя отъ тѣхъ пороковъ, которые обусловливаютъ существованіе принудительнаго

элемента въ государствѣ, т. е. перестанетъ участвовать въ какомъ бы то ни было насиліи, государственномъ или частномъ, и насколько всѣ окружающіе его сдѣлаютъ, сами ли по себѣ, или по его же слову и примѣру, то же самое, настолько же приблизится и то время, когда государственная форма будетъ уничтожена независимо отъ революцій и всякихъ государственныхъ реформъ.

Далѣе, въ 3-хъ, вопросъ о количествѣ людей, перестающихъ нуждаться въ государственной формѣ, тоже не существуетъ для христіанина, такъ какъ онъ знаетъ, что смягченіе государственнаго насилія совершается не „сверху“, т. е. не путемъ искусственнаго улучшенія формъ правленія (будто бы независимо отъ ихъ содержанія, т. е. нравственнаго уровня людей, живущихъ въ этихъ формахъ), а „снизу“, т. е. путемъ увеличенія количества людей, исповѣдующихъ христіанство, и, въ связи съ этимъ, путемъ повышенія уровня требованій общественнаго мнѣнія, благодаря чему все большее и большее количество людей будутъ переставать нуждаться въ насильственномъ огражденіи себя со стороны государства отъ насилія, а также все менѣе и менѣе сознательно и даже безсознательно будутъ пригодны для участія въ системѣ насилія.

Четвертый вопросъ о томъ, когда именно нужно будетъ уничтожить государственную форму, при

меньшинствѣ, половинѣ или большинствѣ въ ней нуждающихся людей, — тоже не можетъ затруднять христіанина, такъ какъ онъ знаетъ, что сила государственнаго насилія обратно пропорціональна силѣ распространяющагося христіанства, и, слѣдовательно, для него не можетъ быть вопроса о времени наступленія того момента, когда нужно будетъ уничтожить государство. Онъ знаетъ, что насколько онъ нравственно совершенъ, на столько для него сейчасъ же не существуетъ государства, и что то же самое и для всѣхъ другихъ людей, даже независимо отъ того, исповѣдуютъ ли они или не исповѣдуютъ христіанство сознательно.

Пятый вопросъ о томъ, кто имѣетъ право вмѣшательства въ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, тоже для него рѣшенъ, ибо опять таки онъ знаетъ, что любой человѣкъ настолько участвуетъ въ смягченіи какъ частнаго, такъ и государственнаго насилія (а слѣдовательно въ этомъ смыслѣ вмѣшивается въ государственныя дѣла), насколько совершенствуетъ себя, а слѣдовательно, благодаря этому, словомъ и примѣромъ содѣйствуетъ совершенствованію другихъ. Участіе христіанина въ измѣненіи государственнаго строя сказывается въ томъ, что онъ дѣлаетъ себя и окружающихъ все менѣе и менѣе пригодными орудіями для проявленія насилія какого бы то ни было, частнаго или государственнаго.

Шестой вопросъ о способѣ уничтоженія государственнаго насилія тоже разрѣшается для христіанина самъ собою. Разъ вся его дѣятельность сводится къ мирному удержанію себя и другихъ отъ насилія, то естественно, государственное насиліе, какъ организованная сумма частныхъ насилій, само собою будетъ уменьшаться за отсутствіемъ людей, желающихъ и могущихъ въ немъ участвовать, и въ концѣ концовъ должно свестись на нѣтъ.

Вотъ каково отношеніе христіанина ко всѣмъ поставленнымъ мною внѣшнимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ осповнаго нашего положенія о служебной роли государства.

Что касается вопроса о томъ, свободенъ или не свободенъ христіанинъ отказаться отъ предъявляемыхъ ему требованій участія въ насиліи, отъ требованій „санкціонированныхъ“, т. е. грубо обставленныхъ угрозами наказаній и самымъ выполненіемъ этихъ угрозъ, то на этотъ вопросъ отвѣчу Вамъ кратко, что эта свобода вполнѣ за нимъ обезпечена: христіанина, исповѣдующаго идеалъ полнаго самоотверженія, стращать, запирать и мучить могутъ, но заставить совертить поступокъ, создающій и поддерживающій строй государственнаго насилія, не могутъ. И въ этомъ безсиліи государства сдѣлать христіанина своимъ соучастникомъ, пособникомъ и попустителемъ лежитъ залогъ спокойнаго и велича-

ваго торжества христіанства и вѣрнаго и кореннаго разрушенія государства. Повторяю, свобода христіанина заключается въ свободномъ выборѣ имъ одного изъ двухъ предлагаемыхъ ему выходовъ: безнравственнаго поступка съ одной стороны и уголовной кары за неисполненіе этого поступка съ другой, — въ свободномъ и добровольномъ выборѣ послѣдняго, т. е. уголовной кары.

Слѣдующій вопросъ, одинаково важный для насъ обоихъ, — какъ представителей двухъ взглядовъ: христіанскаго и государственнаго, — заключается въ томъ, каково должно быть отношеніе представителя и блюстителя государственныхъ интересовъ къ христіанину? Думаю, что попытка разрѣшить этотъ вопросъ ужъ потому не излишняя, что, на сколько я могъ замѣтить, государство еще не успѣло выработать болѣе или менѣе опредѣленнаго отношенія къ этому вопросу. Его дѣйствія по отношенію къ людямъ моихъ убѣжденій настолько еще шатки и нерѣшительны, всякіе поступки и дѣйствія людей моихъ убѣжденій настолько мало предусмотрѣны государственнымъ закономъ, что люди, до сихъ поръ подвергавшіеся одной со мною участи преслѣдованія, невольно замѣчали въ представителяхъ государственной власти, — а равно и въ Васъ, — признаки какой то внутренней борьбы, какъ бы вызванной противорѣчіемъ между внѣшнимъ занимае-

мымъ ими положеніемъ и какимъ-то внутреннимъ голосомъ, который, хотя и слабо, однако заявляетъ свои требованія. Думаю, что этотъ внутренній голосъ, требованія котораго я не могъ въ Васъ не замѣтить, хоть бы на основаніи Вашего истинно христіанскаго стремленія выгородить меня передъ закономъ, имѣетъ свои глубокія, разумныя основанія, о которыхъ мнѣ и хочется поговорить съ Вами.

Какъ Вы уже согласилась со мной, не люди существуютъ для государства, а государство для людей. Если это такъ, то спрашивается: для чего люди создали государственную форму? Для взаимнаго огражденія себя отъ частнаго проявленія насилія. Далѣе спрашивается: каково отношеніе государства къ людямъ, проявляющимъ частное насиліе? Отвѣтъ: государство беретъ на себя обязанность противодѣйствовать этому насилію, парализовать его при помощи организованнаго насилія. А стало быть, къ людямъ, не дѣлающимъ насилія и отрицающимъ его въ принципѣ, какъ должно относиться государство, такъ-же ли какъ къ насильникамъ? Казалось бы, нечего объ этомъ и спрашивать у государственныхъ людей, — настолько отвѣтъ ясенъ самъ собой. Однако на практикѣ вопросъ этотъ разрѣшается совсѣмъ не такъ: людей, отрицающихъ насиліе въ принципѣ, государство преслѣдуетъ наравнѣ съ людьми совершающими его.

Попытаюсь выяснить отношеніе государства къ христіанству слѣдующимъ сравненіемъ: Представимъ себѣ, что государство — это корабль, пассажиръ и экипажъ — это люди, море — это страсти и заблужденія человѣческія, берегъ, къ которому плыветъ корабль — это хрістіанскіе идеалы любви и отсутствіе насилія. Цѣль корабля (государства) — это благополучно провезти людей черезъ море страстей человѣческихъ къ берегу христіанскаго склада жизни. Представимъ себѣ, что корабль (государство) такъ или иначе настолько близко подвезъ пассажировъ (людей) къ этому берегу, что нѣкоторые люди (христіане) стали прямо непосредственно высаживаться съ носа корабля (государства) на берегъ, — воплощать въ себѣ и ближнихъ своихъ христіанскіе идеалы. Нѣкоторые же, невидящіе этого барега и не вѣрующіе въ его близость, по старому продолжаютъ бросаться съ кормы корабля въ море (отдаваться страстямъ, — насилію по отношенію другъ къ другу).

Спрашивается, каково должно быть отношеніе экипажа корабля (правительства) къ первымъ и ко вторымъ? Если не забывать смотрѣть на корабль (государство) какъ на временный и несовершенный суррогатъ суши (христіанскаго склада жизни), суррогатъ, нужный людямъ только посреди бурнаго моря (страстей), то не естественно ли, что этотъ суррогатъ теряетъ свое назначеніе для тѣхъ изъ людей, кото-

рые вышли на ту самую сушу, по направленію къ которой онъ ихъ везъ? И поэтому, не естественно ли, что его отношеніе къ людямъ, выступающимъ на сушу, должно быть діаметрально противоположно отношенію къ людямъ, бросающимся въ море?

Казалось бы, что объ этомъ и спорить нечего. Однако на самомъ дѣлѣ происходитъ не то. Люди, выступающіе на берегъ, т. е. опережающіе корабль на пути его плаванія, подвергаются гоненію на равнѣ съ людьми отстающими отъ корабля. Отчего это? Или отъ простого недоразумѣнія? Или отъ того, что государство забыло свои цѣли? Или же оно имѣетъ иныя цѣли, а только прикидывается, что имѣетъ тѣ, которыя выставляетъ? Не буду вдаваться въ обсужденіе этихъ вопросовъ, а лучше постараюсь яснѣе высказать Вамъ мою мысль о томъ, что корабль есть дѣйствительно несовершенный суррогатъ суши, отставшій на пути своего плаванія отъ многихъ изъ своихъ пассажировъ, иными словами, что нравственныя требованія христіанства выше нравственныхъ требованій государства и что, слѣдовательно, человѣкъ, подчиняющійся требованіямъ христіанства (какъ бо́льшимъ, включающимъ въ себя меньшія, — государственныя требованія) не можетъ не исполнить и государственныхъ требованій (конечно постольку, поскольку они не противорѣчатъ требованіямъ христіанства). Сравнимъ уровни тѣхъ и другихъ требованій:

1. И государство, и христіанство осуждаетъ убійство. Но государство допускаетъ убійство въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. на войнѣ, убійство въ видѣ казни за преступленіе, въ видѣ самозащиты, убійство на дуэли, убійство животныхъ для цѣлей вивисекціи, для употребленія въ пищу и даже для забавы.

Христіанство же не только безусловно запрещаетъ всякое убійство для какихъ бы то ни было цѣлей, но даже ставитъ идеалъ любви къ врагамъ.

2. И государство и христіанство осуждаетъ половой развратъ. Но государство узаконяетъ и поощряетъ бракъ, т. е. половое сожительство одного мужчины съ одной женщиной, причемъ дозволяетъ супругамъ полное удовлетвореніе взаимной ихъ похоти, кромѣ того терпитъ и регламентируетъ такое учрежденіе, какъ дома терпимости.

Христіанство же не только не узаконяетъ брака, но даже прямо выставляетъ противоположный ему идеалъ полнаго цѣломудрія. при которомъ только терпитъ лишь тѣ половыя сношенія между супругами, которыя совершаются для цѣлей дѣторожденія.

3. И государство и христіанство предписываетъ людямъ говорить правду. Но государство a priori предполагаетъ въ основѣ человѣческой души лживость и поэтому заставляетъ своихъ подданныхъ говорить правду путемъ угрозы и внѣшняго принужденія, т. е. приводитъ ихъ къ присягѣ, посредствомъ

которой впередъ связываетъ ихъ волю обѣщаніемъ исполнять требованія людей, называющихъ себя властью, независимо отъ того, будетъ или не будетъ это требованіе противорѣчить волѣ божьей или совѣсти присягающихъ людей.

Христіанство же, считая всякаго человѣка рожденнымъ свыше, т. е. однороднымъ („единороднымъ“) Отцу-Богу, и потому, считая душу человѣческую по природѣ доброю и правдивою, безусловно запрещаетъ людямъ клясться самимъ и другихъ заставлять это дѣлать.

4. И государство и христіанство осуждаютъ насиліе и самоуправство. Но государство запрещаетъ насиліе своимъ подданнымъ и дѣлаетъ его исключительно своимъ правомъ ради цѣлей подавленія частныхъ проявленій насилія и самоуправства.

Христіанство же не только запрещаетъ всякое насиліе для всѣхъ людей безъ исключенія, но даже выставляетъ идеалъ полнаго несопротивленія насиліемъ насилію, кто бы ни былъ этотъ насилующій или сопротивляющійся, — идеалъ подставленія ударившему въ одну щеку другой щеки.

5. И государство и христіанство стремятся къ справедливости во всевозможныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Но государство мнитъ водворить эту справедливость самымы по себѣ несправедливыми, внѣшними путями, — законодательства

и судопроизводства съ ихъ единственными санкціями устрашенія и внѣшняго принужденія. И такъ какъ всѣ эти мѣры не могутъ измѣнить человѣческихъ убѣжденій и хотѣній, то вслѣдствіе этого достигается не искорененіе пороковъ, а лишь взаимное уравновѣшеніе ихъ другъ другомъ (звѣрства — трусостью, лѣности — тщеславіемъ и т. д.).

Христіанство же, уважая въ подсудимомъ его разумъ и свободу воли, а въ судьѣ, палачѣ, тюремщикѣ, конвойномъ солдатѣ охраняя чистоту ихъ любви и смиренія отъ соблазновъ насилія, властолюбія, гнѣва и отъ нравственныхъ страданій, вызываемыхъ внутреннимъ противорѣчіемъ между должнымъ и совершаемымъ, запрещаетъ вообще всякое судопроизводство (condemnare, см. латинское евангеліе) и обращается къ судьямъ со словами: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось камень“ (въ преступницу).

6. И государство и христіанство стремятся къ миру между народами. Но государство водворяетъ этотъ миръ всякими косвенными средствами, путемъ уравновѣшиванія военныхъ силъ, путемъ устрашенія, даже путемъ покоренія, порабощенія одного народа другимъ, для чего требуется все большее и большее усовершенствованіе наступательныхъ и оборонительныхъ орудій войны и безконечное соревнованіе тѣхъ и другихъ.

Христіанство же, не отдавая предпочтенія ника-

Библиотека ИМЭЛ
Ч/11184.

кой народности передъ другой, а главное, не зная и не учреждая никакихъ внѣшнихъ общественныхъ аггрегатовъ, а имѣя въ виду только человѣческую личность какъ таковую, тоже стремится къ миру, но даетъ этой личности *миръ* „не такъ, какъ даетъ его *міръ*“, а безусловно запрещаетъ ей всякое насиліе, а слѣдовательно и участіе въ ужаснѣйшемъ изъ насилій, въ войнѣ.

Насколько ясно мнѣ удалось выразить мою мысль о превосходствѣ нравственныхъ требованій христіанства передъ требованіями государства, настолько, надѣюсь, ясно отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что люди государства напрасно гонятъ людей христіанства. Напрасно въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ вышеуказаннаго отсутствія цѣлесообразности гоненія, и въ смыслѣ безрезультатности его, по причинѣ тоже вышеуказанной свободы христіанина.

II

Перехожу къ обсужденію вашего возраженія о томъ. что ученіе Толстого „слишкомъ идеально“, и потому практически непримѣнимо въ настоящее время,

Во 1-хъ надо помнить, что собственно ученія Толстого нѣтъ. а есть, и уже 1900 лѣтъ какъ открытъ и выраженъ, законъ новаго жизнепониманія, называемый христіанскимъ ученіемъ, законъ лишь очищенный Толстымъ отъ церковно-государствен-

наго его лжеистолкованія. И надо строго остерегаться вѣрить на слово той, пока численно преобладающей группѣ людей, которые обвиняютъ въ лжеистолкованіи не церковь и государство, а Толстого.

Во 2-хъ христіанское ученіе есть дѣйствительно идеальное ученіе, но только не въ обычномъ, ругательномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ истинномъ его значеніи, что оно воздѣйствуетъ на людей не путемъ механическаго, ни на чемъ не основаннаго преподаванія имъ внѣшнихъ правилъ, выраженныхъ въ формѣ авторитетныхъ, мертвыхъ предписаній или запрещеній извѣстныхъ поступковъ (исполненіе такихъ правилъ только и можетъ быть обезпечено устрашеніемъ и принужденіемъ людей), — а воздѣйствуетъ на людей путемъ указанія совершенныхъ, живыхъ, т. е. живущихъ въ глубинѣ души каждаго человѣка идеаловъ добра. И вотъ изъ сознанія этихъ идеаловъ болѣе совершенная личность сама собою выводитъ для себя тѣ практическія нормы жизни, которыя въ данную минуту будутъ руководить ея поступками, менѣе же совершенная, т. е. менѣе чуткая къ воспріятію всего внутренняго и потому болѣе склонная къ усвоенію всего внѣшняго личность, въ силу того стаднаго инстинкта, размѣры котораго всегда бываютъ обратно пропорціональны этой нравственной чуткости, сама собой, безъ устрашенія всегда подчинялась и подчинится тому строго

опредѣленному уровню нравственныхъ требованій, которыя называются общественнымъ мнѣніемъ. Если же кто и спустится ниже этого уровня, то развѣ только тотъ исключительный, скорѣе фантастическій, насилующій невинное существо, разбойникъ, на котораго всегда такъ любятъ ссылаться защитники государственнаго насилія. Но вѣдь этого разбойника мы съ Вами, можетъ быть, никогда и не встрѣтимъ, а между тѣмъ якобы изъ за него поддерживается то чудовищное зло государственнаго насилія, съ которымъ уже не только каждый изъ насъ встрѣчается на каждомъ шагу, но къ поддержанію котораго каждый изъ насъ принуждается. И этотъ то уровень требованій нынѣ дѣйствующаго общественнаго мнѣнія, ниже котораго рѣдко спускаются люди толпы, и есть та самая сила, которая сильнѣе насилія, ибо и насиліе то обязано ей своимъ существованіямъ, Въ самомъ дѣлѣ, разъ существуетъ то мнѣніе, что хорошо и должно идти въ солдаты, палачи, жандармы, прокуроры, судьи, полицейскіе и т. д., то существуютъ и всѣ эти должности, а перестанетъ существовать такое мнѣніе, и перестанутъ существовать и всѣ эти должности. И вотъ этотъ то уровень дѣйствующаго общественнаго мнѣнія нѣтъ возможности поднять палліативомъ опирающагося на него насилія, какъ нельзя сидящему человѣку поднять тотъ стулъ, на которомъ онъ самъ сидитъ, а можно повысить, да

и всегда онъ повышался только однимъ способомъ, а именно воплощеніемъ и высказываніемъ христіанскихъ идеаловъ.

И отрицать эти идеалы якобы на томъ основаніи, что они по своей отдаленности и малой осуществимости скорѣе вызываютъ въ людяхъ отчаяніе и уныніе, нежели бодрость духа и энергію — по моему значитъ лишать и вышеуказанныя практическія правила ихъ послѣдняго разумнаго основанія, и такимъ образомъ отнимать у нихъ тотъ живой стимулъ, отсутствіе котораго, подобно отсутствію въ математикѣ аксіомъ, изъ которыхъ выводятся теоремы, не только не придастъ людямъ энергію и бодрость, но окончательно превратитъ ихъ въ вьючныхъ животныхъ.

Выходитъ, что палліативъ насилія нуженъ потому, что въ людяхъ еще много животности, но съ другой стороны потому въ людяхъ и не искореняется животность, что она поддерживается всякими палліативами. Вродѣ того, какъ говорили бы, что нельзя вносить въ теплую комнату съ мороза мебель потому, что она еще холодна; но вѣдь съ другой стороны потому она все еще и продолжаетъ быть холодной, что ея не вносятъ въ теплыя помѣщенія, а подвергаютъ палліативу выстаиванія на морозѣ. Есть только одно средство пробить этотъ заколдованный кругъ — это признать пагубнымъ, а главное, діаметрально противорѣчащимъ радикальнымъ сред-

ствамъ, свойство не только государственнаго палліатива насилія, но и всякихъ другихъ палліативовъ, все еще примѣняемыхъ и въ другихъ сферахъ жизни, напр. въ медицинѣ.

Отрицаніе необходимости для людей идеаловъ можно еще уподобить отрицанію для моряка необходимости путеводной звѣзды или компаса.

Въ 3-хъ я забылъ обратить Ваше вниманіе на слово „слишкомъ“, которое Вы поставили передъ Вашимъ выраженіемъ „идеальное ученіе Толстого“. Признаюсь, это выраженіе не совсѣмъ для меня понятно. Мнѣ кажется оно содержитъ въ себѣ contradictio in adjecto. Такъ какъ идеалъ по самому существу своему безконеченъ, то сказать „слишкомъ идеальный“ все равно, что сказать — слишкомъ безконечный, что, само собой разумѣется, не имѣетъ никакого значенія.

Но, можетъ быть, называя ученіе Христа слишкомъ идеальнымъ, Вы и не хотѣли въ принципѣ отрицать значеніе нравственныхъ идеаловъ, а хотѣли сказать только то, что тѣ люди, которые высаживаются съ корабля на берегъ въ то время, какъ другіе, ихъ ближніе, гибнутъ въ морскихъ волнахъ, поступаютъ несвоевременно, эгоистично, что этимъ людямъ, христіанамъ, надо погодить самимъ выступать на берегъ, а помочь тонущимъ людамъ выбраться изъ воды.

Разсмотримъ, какими средствами помощи распо-

лагаютъ христіане: Во первыхъ, средствомъ указанія близости берега и во вторыхъ, доказательства возможности для всѣхъ высадиться на него.

Указаніе близости берега — это та пропаганда христіанскихъ идеаловъ, которую Вы преслѣдуете. Доказательства возможности высадиться на берегъ — это тѣ единичные и все чаще и чаще повторяющіеся случай отказа со стороны отдѣльныхъ личностей отъ всякаго насилія и въ томъ числѣ отъ воинской повинности, отъ присяги, отъ судопроизводства, и т. д., за каковые отказы Вы подвергаете ихъ уголовной карѣ.

Только этими двумя средствами спасенія себя и людей и могутъ располагать христіане.

Но Вы требуете еще третьяго средства: вытаскиванія людей изъ воды, т. е. изъ страстей и заблужденій, посредствомъ насилія, т. е. такого же заблужденія.

Допустимъ, что христіанинъ Васъ послушается. Что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ во 1-хъ то, что некому и некогда будетъ искать, высказывать и воплощать идеалы. Во 2-хъ, если послушавшійся Васъ и будетъ это дѣлать' т. е. допускать насиліе, и въ то же время проповѣдывать идеалы уничтоженія насилія, то съ одной стороны его будутъ за это таскать по жандармскимъ управленіямъ, а съ другой стороны со свѣту сживутъ упреками въ томъ, что онъ говоритъ одно, „а самъ“ дѣлаетъ другое. Въ

3-хъ, такъ называемый христіанинъ будетъ въ недоумѣніи, противъ какихъ людскихъ заблужденій употреблять насиліе, противъ частныхъ или общественныхъ, и, подумавши немного, начнетъ со вторыхъ, какъ болѣе вредныхъ, т. е. неизбѣжно займется той революціонной дѣятельностью, которой Вы боитесь, какъ огня.

Но все равно, примкнетъ ли христіанинъ къ революціонной или къ государственной дѣятельности противленія злу насиліемъ, т. е. поможетъ ли вамъ или революціонерамъ, — все равно онъ будетъ служить не искорененію зла, а увеличенію его, онъ будетъ тушить огонь огнемъ, сушить воду водой, и ужь во всякомъ случаѣ погубитъ христіанство, то христіанство, лучше и радикальнѣе котораго никто не искоренитъ въ людяхъ всякую борьбу и насиліе, кѣмъ бы онѣ не производились: государствомъ, революціонной партіей или частными лицами.

Такъ подумайте же, за что вы гоните хрістіянство, то христіанство которое незамѣтно для васъ самихъ все болѣе и болѣе просачивается въ ваши собственныя жилы, заставляя васъ ощущать то внутреннее противорѣчіе, о которомъ я говорилъ выше, и рано или поздно упразднитъ таки государственное насиліе, роль котораго Вы сами же признали не господствующей, а служебной.

Ѳедоръ Страховъ.

Библиотека ИМЭЛ